

Гришуткин сад

...Опираясь на суковатую палку, Петрович задумчиво брёл по аллее сада. Малиновое солнце уже давно зацепилось за верхушки деревьев, прохладный ветерок всё чаще вздувал и теребил на спине подвыгоревшую синюю рубашку, но Петрович не уходил в дом, подолгу останавливался у яблонь, слив, кустов крыжовника – кому он дал жизнь и теперь знал каждый их листок. Он доверял им сейчас свои мысли и чувства.

«Вот и вырастил сад. Одному уже с ним не справиться. Что же делать?.. И сосед одолел: продай, да продай! Да ведь каков – сам себе на уме: хоть сгори целый свет, лишь бы он был согрет».

Петрович вздохнул, сел на скамейку. Протянул вверх руку. Три вишенки коснулись ладони. Сорвал одну, ещё тёплую от солнца, и залюбовался: такая крупная, упругая и чёрная, словно агат. Сразу вспомнилось всё, что связывало его, старого плотника, с садом.

...С каждым годом улицы центральной усадьбы совхоза тянулись всё дальше и дальше в степь. С каждым годом человек отвоёвывал у неё всё новые и новые метры, но степь характер свой не меняла.

Весной неисчислимы маки подступали прямо к домам. Летом же исчезал многокрасочный цветочный ковёр, всё сгорало под палящими лучами солнца, и оставались лишь чернильные шары чертополоха. В это время налетали ураганные ветры, и тогда тучи песка и пыли закрывали белесое небо. Песок и пыль набивались людям в глаза, хрустели на зубах, проникали в каждую щёлочку дома и укладывались там повсюду серым изорванным слоем. Зимой бураны и вьюги завывали почти непрерывно и замерзали молодые деревца, заботливо посаженные новосёлами. Лишь он и не отступился. Выходил по ночам к своим голым саженцам, кутал и согревал, чем только мог, а летом отдавал им последнюю каплю воды... И чудо свершилось!

- Ишь, какие выдались, - зачарованно прошептал Петрович. Он с трудом оторвал взгляд от ягоды. – Да!..Только что же теперь с садом **делать?**.. Неожиданно его внимание привлёк треск планки от изгороди. Он вытянул жилистую шею. Белобрысый мальчуган почти наполовину протиснулся в узкую щель, но, увидев его, рванул назад.

Петрович горько усмехнулся, тяжело поднялся со скамейки, хотел было залатать щель, да внезапно о чём-то задумался и забыл о ней.

А на другой день утром он, как обычно, без стука открыл дверь кабинета своего старого школьного товарища – директора совхоза.

- Занят?

Тот поднял голову. Улыбнулся душевно и радостно, как улыбаются только друзьям.

- Заходи, Петрович, заходи!

Плотный, представительный директор сам подошёл к нему, легонько обнял за плечи и усадил в кресло.

- Ну, рассказывай, с чем пожаловал?

Петрович ответил не сразу. Снял фуражку, поискал глазами, куда бы положить, затем привычно пристроил её на коленях, набил табаком трубку, разжёг в ней огонь и только после этого неторопливо заговорил:

- Слышал я, что ты для новой школы место подыскиваешь?

Директор вскинул седые брови, в его тёмных глазах промелькнуло удивление.

- Ну и что?

- Нашёл?

- А ты почему об этом спрашиваешь?

- Потому что лучшего места, чем в моей усадьбе, тебе не найти.

- Ты... это... серьёзно? – поразился директор. – какое я имею право?

- Я дарю свой сад детям – вот твоё право!

Директор размашисто зашагал по кабинету, соображая, что к чему. Уж кто-кто, а он знал, сколько труда этот человек в сад вложил! Бессонные ночи, в кровь стёртые от заступа ладони, морозы, засухи, насмешки маловеров. Не раз начинал всё сначала!

- Послушай! – остановился он перед ним. – А ты как?

Петрович молчал.

-Помню, взволнованно продолжал директор, - однажды зашумел народ. Что такое, думаю. А это сад твой зацвёл. Сплошные белые кружева среди песка и пыли. И бегут, бегут отовсюду люди... Для всех был настоящий праздник... Ты же выпестовал свой сад, сроднился с ним! И вдруг?..

Петрович не отвечал. Глаза его закрылись, трубка погасла, да он, видимо, и забыл о ней, о чём-то думал, или тоже вспоминал.

- Ну, как знаешь! – Директор обескуражено уселся за стол. – Сколько же заплатить тебе?

Петрович очнулся, открыл глаза.

- Заплатить? – переспросил он. Морщинистое лицо его потемнело.

- Но ведь не даром?

- Детям отдаю, а не даром! – вспыхнул Петрович. – Мне вот один тоже предлагал, да душа у него с гнильцой, как у иного яблока. Эх, ты!.. Это же Гришуткин сад. Пусть ребята и будут в нём хозяевами!

Петрович умолк, погрузился. Притих за столом и директор, понял, что невольно разбередил и без того незажившую его душевную рану. Ведь с чего всё и начиналось-то!..

Дети есть дети! Всё запретное им вдвое интереснее. И не вдруг им понять человека, денно и ночью охраняющего своё добро, не народное. Разве мог знать десятилетний сын Петровича, Гришутка, что за чужим высоким забором его встретит выстрел обреза? И выпали из ладошек два яблока-паданца, недоумевающе прошептали в последний раз окровавленные губёнки: «Мама!..».

Хозяина сада осудили. Но кто же мог вернуть преждевременно поседевшему Петровичу его ясноглазого Гришутку? Кто воскресил бы ему жену, зачахнувшую после гибели сына?..

Он места себе не находил. Не раз друзья уговаривали: «Женись!». Знакомили с румяными разведёнками да ласковыми вдовушками. Только не мог он забыть своей Настюшки. Так бобылем и остался. И не переставая бредил сыном. Кликает

ли кто из детворы под окном, промелькнёт ли перед глазами чей-нибудь мальчуган – сердце так и забьётся!..

Немало лет прошло с тех пор. Немало дорог исколесил осиротевший Петрович, пока наконец понял, что и странствия не заглушат горечь страшной утраты. Тогда в последний раз отправился он в дорогу – вместе с молодёжью обживать вековую целину, да так на новом месте и остался. Здесь-то и вспомнил он прощальную просьбу жены – посадить в честь Гришутки хотя бы маленький садочек...

- Это же Гришуткин сад, - тихо повторил Петрович и ухватился за фуражку, собираясь подняться. Директор поспешил на помощь.

- Я сам! – Петрович сердито отстранил его. – Лучше присылай поскорей рабочих. – Сказал, точно гвоздь забил.

- Завтра! Завтра же, дорогой ты мой старик! – заверил директор. – И прости, не хотел тебя обидеть.

- Да чего уж там, ладно! – отмахнулся Петрович и, оправив на себе рубаху, твёрдой походкой пошёл к двери.